

Права человека

СВОБОДА ИНФОРМАЦИИ: КОМУ ОНА ПРИНАДЛЕЖИТ?

Решетов Ю.А.

*профессор кафедры международного права
МГИМО (У) МИД РФ*

Право на свободное выражение своего мнения является одним из важнейших прав человека, имеющее основополагающее значение для реализации и других его прав и свобод.

Пункт 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает: "Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору".

О значении свободы слова неоднократно высказывался Европейский суд по правам человека. Так, в своем решении по делу Хэндисайда, Суд заявил, что свобода слова "представляет собой одну из основных опор демократического общества"¹.

Субъекты свободы слова

Принципиальное значение для реализации этого права имеет вопрос о том, кто же является субъектом, носителем этого важнейшего права. Как международно-правовые документы, так и конституционные и другие законодательные акты подавляющего большинства государств не оставляют в этом отношении никакого сомнения. Субъектом права на свободу слова являются люди, все население, а не какие-то его слои, организации или представители, и в том числе профессиональные журналисты.

Содержанием свободы слова является свобода искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи именно всеми, всем населением, что же касается профессиональных журналистов, то их деятельность должна быть объективной. Ложная или извращенная информация не только морально предвзвездительна и юридически наказуема, она подрывает внутреннюю стабильность в государствах, настраивает одни слои населения против других, служит почвой столкновения и контактов между народами и государствами.

Международное право раскрывает и само понятие объективной информации. Так, Конвенция о международном праве опровержения еще в 1952 г. установила, что "профессиональная ответственность корреспондентов и информационных агентств требует от них, чтобы они сообщали факты без дискриминации и в их надлежащей связи". Следовательно, дискриминационное отношение к фактам, их передергивание, замалчивание одних и раздувание других несовместимы с объективностью информации, представляют собой не-объективную информацию.

Проблема объективности информации неразрывно связана с вопросом о независимости средств массовой информации (СМИ) и журналистов. Невозможно быть объективным, если какой-то орган СМИ или его журналисты зависят идеологически или материально будь то от власти как таковой, будь то от политической партии или отдельного олигарха.

Требования объективности и независимости, предъявляемые обществом к СМИ, отвечают потребностям демократического общественного развития и соблюдения прав и свобод человека и ставят естественные границы лозунгу о "свободе СМИ".

В общественных дискуссиях о роли СМИ, организуемых и направляемых самими же СМИ, вопросу об их объективности и независимости практически и видимо совершенно сознательно не уделяется никакого внимания, а общественность лишена возможности высказать свое мнение об объективности и независимости этих СМИ. Этот вопрос, как и в советские времена, оставлен для кухон-

ных дебатов, а в самих СМИ полностью подменен вопросом об этой самой "свободе".

Ничем не ограниченной, не учитывающей интересы общества, свободы СМИ не существует, точно так же как, например, невозможно говорить о свободе государств, не говоря об обязанностях, налагаемых на них международным правом, и в том числе добросовестно соблюдать свои международные обязательства.

Бессодержательность лозунга "свободы СМИ" хорошо видна при сравнении её с таким понятием, как свобода совести.

Свобода совести - это право каждого человека на свободу мысли, совести и религии, включающая в себя свободу иметь или принимать религию и убеждения по своему выбору и свободу исповедывать свою религию и убеждения, а ни в коем случае не свобода отдельных конфессий или их представителей творить всё, что им заблагорассудится, в религиозной области.

Необходимость общественного контроля за СМИ

В ведущих странах усиливается тенденция к усилению общественного контроля за радио и телевидением. Возьмём для примера Германию и США. В то время как пресса в этих странах практически свободна от государственного вмешательства, другие виды СМИ являются объектом государственного вмешательства и регулирования.²

Так, Конституционный суд ФРГ потребовал от законодателей принять законы, гарантирующие объективность информации, разнообразие точек зрения, поддержку демократических ценностей и определенный уровень качества.³

Суд подчеркнул, что ст. 5 Конституции ФРГ требует, чтобы современные инструменты формирования общественного мнения не находились в руках государства или какой-то отдельной социальной группы.⁴

"Свобода вещания является прежде всего свободой на службе свободы формирования мнений,³ и эта свобода "представлена в первую очередь не в интересах вещателей, а скорее в интересах общественного мнения".⁶

В 1991 г. Конституционный суд Германии поддержал закон об организации вещания в земле Северный Рейн-Вестфалия. Руководствуясь принципом необходимости отражения на нем различных точек зрения суд подчеркнул, что во всей деятельности станций должны представлены значительные политические, идеологические и силы и группы.⁷

Этот закон предусматривает состав комиссии по делам вещания, состоящую из 41 члена, представляющих земельный парламент и различные религиозные, национальные, культурные, спортивные, женские и др. организации и профсоюзы.⁸

Подобный же подход к СМИ начитается складываться и в США, что знаменует собой отхода от доминировавшей до сих пор полной монополии первой поправки к Конституции США,⁹ которую можно охарактеризовать как ничем не ограниченное господство свободы выражения точек зрения, включая и самые экстремистские.

Ограничение свободы слова

В связи с особой ответственностью, являющейся следствием пользования свободой слова, современное международное право предусматривает ряд его ограничений.

В ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливается: "... 3. Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми

- а) для уважения прав и репутации других лиц,
- б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения".

Ещё более широкий круг ограничений этого права допускается Европейской конвенцией о правах человека: "Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия" (п. 2 ст. 10).

Эти ограничения не могут быть, как мы видим из текстов этих документов, произвольными. Они должны быть установлены законом и демократического общества. Что касается первого из этих требований, то является общепризнанным, например, в практике Европейского суда по правам человека, что формула "установлены законом" распространяется, разумеется, и на решения органов власти.

Необходимость же принятия тех или иных ограничений свободы слова определяется, исходя из конкретных соображений. Государства довольно широко прибегают к установлению ограничений на свободу слова, поэтому во многих случаях необходимость их введения оспаривается в Европейском суде по правам человека.

В интересах национальной безопасности в целом ряде государств устанавливается длительное по срокам запрещение на публикацию сведений, касающихся деятельности государственных структур, включая деятельность дипломатических ведомств и спецслужб.

Так, недавняя история с публикацией мемуаров английского разведчика Ричарда Томлинсона привлекла внимание общественности к запрету на подобные публикации, установленному судебными властями Великобритании.¹⁰

Это интересное дело имеет прямое отношение к ограничениям свободы слова в интересах предотвращения беспорядков, а прак-

тически и национальной безопасности и территориальной целостности, оно было рассмотрено Европейским судом по правам человека в 1992 г.

Обстоятельства дела таковы. В 1979 г. заявитель - испанский сенатор Кастеллс, избранный от политического движения, выступающего за независимость Страны Басков, опубликовал в еженедельнике "Пунто-и-Ора де Еускалхерриа" статью, в которой привлек общественное мнение к убийствам и нападениям вооруженных группировок против баскских граждан. Он утверждал, что эти группировки орудовали при полной безнаказанности, поскольку за ними стояли правительство и правящая партия, "Мы должны открыто назвать ответственных", - так заканчивалась статья. Органы прокуратуры возбудили против Кастеллса уголовное преследование. Он был лишен парламентского иммунитета и 7 июля 1981 г. ему было предъявлено обвинение в оскорблении правительства (ст. 161 Уголовного кодекса Испании). 31 октября 1983 г. палата по уголовным делам Верховного Суда признала заявителя виновным и приговорила его к одному году тюремного заключения. Суд посчитал, что положение заявителя как сенатора обязывало его ограничиться теми средствами критики правительства, которое предусмотрено правилами процедуры Сената и которые он не выполнил. Более того, его статья продемонстрировала намерение опорочить правительство. Суд отказался допустить доказательства, которые защита просила приобщить к делу, чтобы показать, что содержащаяся в статье информация была общеизвестной и соответствовала действительности.

10 апреля 1985 г. Конституционный суд отклонил жалобу Кастеллса.

В своем решении по этому делу Европейский суд отметил, что хотя по утверждению Конституционного суда Испании "вмешательство решало не задачу защиты общественного порядка и национальной безопасности, а фактически охраняло честь правительства-ответчика", сам же Конституционный суд сделал в своем решении от 10 апреля 1985 г. упор на то, что безопасность государства

может оказаться под угрозой из-за попыток дискредитировать демократические институты. В своей статье г-н Каstellс не просто описывал очень серьёзную ситуацию в Стране Басков; он обвинял власти, в частности полицию, в пассивности и даже попустительстве организаторам преступной деятельности, подразумевая тем самым, что правительство также несет ответственность. Таким образом, можно сказать, что в конкретных обстоятельствах Испании 1979 г. судебное преследование заявителя в целях "предотвращения беспорядков" в смысле ст. 10 п. 2, а не только для защиты репутации других лиц г-н Каstellс преступил обычные границы политической дискуссии; он оскорбил демократическое правительство, способствуя дестабилизации в критический для Испании период, а именно - вскоре после принятия Конституции, когда группы разной ориентации равно в равной степени прибегали к насилию.¹¹

По мнению Европейского суда, "свобода политической дискуссии, несомненно, не является абсолютной по своей природе. Государства - участники могут подвергать её определением "ограничениям" или "санкциям".¹² Однако Европейским суд, оценивая необходимость вмешательства со стороны испанских властей, придал решающее значение тому обстоятельству, что Верховный суд Испании отказался проверить достоверность фактов, приведенных Каstellсом в его статье, и признал это вмешательство нарушением ст. 10.¹³

В практике государственных и судебных органов значительное место занимают вопросы, связанные с защитой репутации или прав других лиц.

В этом отношении представляет интерес дело Лингенс против Австрии в Европейском суде по правам человека,

14 и 21 октября 1975 г. Лингенс опубликовал в венском журнале "Профиль" две статьи с резкой критикой Б. Крайского, который в то время был Федеральным канцлером, за его снисходительное отношение к политическому деятелю Ф. Петеру, председателю Либеральной партии Австрии, во время Второй мировой войны служившему в бригаде СС, и за нападки, с которыми Б. Крайский

обрушился на С. Визенталя, публично разоблачившего прошлое председателя либеральной партии.

Крайский обвинил заявителя в диффамации. 26 марта 1976 г. окружной суд Вены частично признал обвинение и приговорил Лингенса к штрафу в 20 тыс. шиллингов. По жалобе, поданной обеими сторонами, Апелляционный суд Вены отменил решение и передал дело на новое рассмотрение Окружного суда, который 1 апреля 1981 г. подтвердил своё предыдущее решение. Лингенс вновь обжаловал его, и 29 октября 1981 г. Апелляционный суд уменьшил штраф до 15 тыс. шиллингов.

В своем решении Европейский суд отметил, что в статьях Лингенса приводились как факты, так и оценочные суждения (так, он обвинял Крайского в "низкопробном оппортунизме" и "аморальности"), между которыми, по мнению суда, следует проводить тщательное различие. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию. В этой связи суд нашел вмешательство в осуществление свободы слова Лингенсом не необходимым в демократическом обществе, следовательно, имело место нарушение ст. 10.¹⁴

К этой же группе дел о "защите репутации или прав других лиц" с точки зрения Европейской конвенции о правах человека относится и дело Йерсилда против Дании.

Во время событий, послуживших поводом для возникновения этого дела, Йерсилд, гражданин Дании, журналист на службе Датской радиовещательной корпорации, был откомандирован в распоряжение её воскресной программы новостей "Санди ньюс мэгэзин".

31 мая 1985 г. газета "Информашён" опубликовала статью, где описывались расистские настроения группы молодых людей, называвших себя "зеленые куртки", из Остербро, в Копенгагене. В свете этой статьи редактор "Санди ньюс мэгэзин" решил сделать документальный фильм о "зеленых куртках". В последующем заявитель вступил в контакт с представителями этой группы, пригласив троих из них участвовать в телевизионном интервью. Во время интервью,

которое проводил заявитель, трое членов указанной группы отпускали оскорбительные и пренебрежительные замечания в адрес эмигрантов и иных этнических групп в Дании. Всё это продолжалось примерно пять-шесть часов, из которых два или два с половиной часа были записаны на видеопленку. В последующем заявитель отредактировал и сократил сделанный из интервью фильм до нескольких минут. 21 июля 1985 г. он был передан в эфир Датской радиовещательной корпорацией.

В последующем были возбуждены уголовные дела: против трех молодых людей за их расистские заявления на основании ст. 266 (b) Уголовного кодекса Дании, а против заявителя и руководителя отдела новостей Датской радиовещательной корпорации за оказание пособничества и подстрекательство к их распространению на основании ст. 266 (b) и ст. 23 указанные лица 24 апреля 1987 г. были осуждены городским судом Копенгагена. Йерсилд был оштрафован на 1 000 датских крон. Он и руководитель отдела новостей подали апелляцию на решение городского суда, которое, однако, было поддержано судом Восточной Дании и Верховным судом.

В своем решении большинство членов Европейского суда, отвергнув доводы датские судебных инстанций, заявило, что данная телевизионная передача была задумана как часть дискуссии в обществе и выступлений в прессе по поводу расизма и "не была объективно похожа на материал, цель которого состояла в пропаганде расистских идей и взглядов".¹⁵ Двенадцатью голосами против семи суд постановил, что имело место нарушение ст. 16. В то же время судьи Риссдал, Бернхардт, Шпильман и Лоизу в своем особом мнении заявили, что "большинство суда придало большее значение свободе слова журналиста, чем защите тех, кто вынужден страдать от расовой ненависти. И из письменного текста интервью, и из видеопольма, который мы смотрели, очевидно, что заявления "зеленых курток" не могут быть терпимы в обществе, основанном на соблюдении прав человека".¹⁷

Отметив, что журналист не выразил чётко своего неодобри- тельного отношения к расизму, они далее подчеркнули: "Междуна- родная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации возможно не требует наказания журналистов, ответственных за под- готовку телесюжетов такого рода. С другой стороны, она поддержи- вает точку зрения, что средства информации тоже обязаны занять чёткую позицию в вопросе о расовой дискриминации и ненависти".¹⁸

"Мы убеждены, что датские суды действовали в пределах сферы усмотрения, которая должна быть оставлена государствам- участникам в этой чувствительной области. Соответственно, реше- ния датских судов нельзя рассматривать как ведущие к нарушению ст. 10 Конвенции".¹⁹

Интересно и особое мнение судей Гелькюкло, Руссо и Валь- тикоса. Они прямо заявляли, что запрет брать под защиту расовую ненависть безусловно является одним из ограничений, разрешен- ных ст. 10 п. 2 и что Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации не может игнорироваться при приме- нении Европейской конвенции и Европейский суд по правам чело- века должен руководствоваться ею в своих решениях. Свобода сло- ва, подчеркнули они, не должна распространяться и на подстреча- тельство к ненависти и на презрение к народам иным, чем тот, к ко- торому мы принадлежим".²⁰

Возрастающий интерес к проблеме ограничения свободы слова на основании обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия продемонстрировало рассмотрение Европейским судом в 1979 г. дела Санди таймс" против Соединенного Королевства.

Обстоятельства этого дела таковы. В период между 1959 г. и 1962 г. в Англии многие дети рождались с дефектами, как утверж- далось, по причине того, что их матери принимали во время бере- менности в качестве успокаивающего средства или средства от бес- сонницы талидомид. Родители начали судебный процесс против из- готовителя и продавца талидомида в Соединенном Королевстве - компании "Дистиллерс" (биохимикаты).

В сентябре 1972 г. газета "Санди таймс" опубликовала статью под заголовком "Наши талидомидные дети - причина национального позора" и объявила о своем намерении продолжить публикации, прослеживающие историю трагедии, начиная от изготовления и тестирования лекарства,

Компания "Дистиллерс" направила официальные представления Генеральному прокурору, утверждая, что вышеуказанные статьи представляют собой неуважение к суду, поскольку судебное разбирательство по делу еще не завершено. Генеральный прокурор принял решение обратиться в суд за судебным запретом на эти публикации. Таковой был выдан в ноябре 1972 г. Газета со своей стороны утверждала, что нормы о "неуважении к суду", призванные охранять независимость и беспристрастность судебной власти, не могут пониматься как запрет профессиональным журналистам выполнять их обязанности. Вопрос, по их мнению, требует законодательного решения.

Апелляционный суд отменил запрет, но после обращения Генерального прокурора в Палату лордов последняя 18 июля 1973 г. единогласно восстановила действие этого судебного запрета. Палата сочла, что публикация предполагаемой статьи составит неуважение к суду, так как она, вероятно, вызовет предубеждение у общественности по поводу спора, являющегося предметом незавершенного судебного разбирательства, включая переговоры о мировом соглашении между истцами и компанией "Дистиллерс".

Действие запрета было в конечном итоге прекращено в 1976 г., а в 1981 г. был принят Закон о неуважении к суду, заменивший прецедентные нормы.

Европейский суд при рассмотрении этого дела уделил большое внимание вопросу о давлении на суд. При этом он сослался на формулировку, данную судьей Баклеем в 1966 г.: "Появление комментариев о текущем судебном процессе в любой форме, могущей причинить вред справедливому рассмотрению дела, явится со стороны газеты неуважением к данному суду. Произойти такое может

по-разному. Может случиться так, что комментарий окажет тем или иным способом давление на одну из сторон по данному делу, как-то: помешать ей вести судебный процесс, побудить её согласиться на мирное соглашение на таких условиях, которые она в других обстоятельствах не стала бы рассматривать, либо повлиять иным образом на ведение дела, где она должна быть свободна в выборе средств обвинения и защиты, пользуясь при этом советами, но не подвергаясь давлению".²¹

Суд далее подчеркнул, что "первоначальная обязанность обеспечить права и свободы, воплощенные в Конвенции, лежит на самих государствах-участниках. Соответственно, "ст. 10 п. 2 оставляет за договаривающимися государствами определенную сферу усмотрения. Эта сфера предоставлена как законодателю, так и органам, в том числе и судебным, которые призваны толковать и применять действующее законодательство".²²

Далее, в судебном решении говорится: "В выступлениях в Палате лордов выражалась тревога, что должная правовая процедура может лишиться уважительного к себе отношения, а функции судов окажутся узурпированы, если мнение общественности по вопросам, являющимся объектом судебного разбирательства, будет сформировано до их рассмотрения судом или если участникам судебного процесса придется проходить "суд газет". Подобная озабоченность сама по себе соответствует задаче поддержания "авторитета правосудия" в том виде, как данное выражение понимается Судом. Если вопросы, возникающие в ходе рассмотрения спора в суде, предаются огласке таким образом, что это заранее ведет к формированию у общественности своего собственного по ним мнения, то она может утратить свое доверие и уважение к судам. Нельзя исключить того, что привычка общественности к регулярному зрелищу псевдосуда в средствах информации может иметь в конечном итоге пагубные последствия восприятия судов в качестве надлежащего места разрешения правовых споров."

Тем не менее, статья, предполагавшаяся к опубликованию в "Санди таймс", была выдержана в умеренных выражениях, она не представляла доказательства односторонне и не настаивала на том, что существует лишь один возможный исход рассмотрения данного дела, к которому должен прийти суд. Хотя она подробно анализировала доказательства против "Дистиллерс", она также суммировала доводы в защиту компании и заканчивалась такими словами: "Похоже, в данном деле нет ясных ответов".²³

Принимая во внимания обстоятельства данного дела, Суд пришел к выводу, что "обжалуемое вмешательство не соответствует достаточно неотложной социальной потребности, которая перевешивала бы заинтересованность общественности в осуществлении свободы слова в смысле Конвенции, Соответственно, Суд находит доводы в пользу наложенного на заявителей ограничения в соответствии со ст. 10 п. 2 недостаточными. Это ограничение оказалось несоразмерным преследуемой правомерной цели, оно не являлось необходимым в демократическом обществе для поддержания авторитета правосудия. Соответственно, имело место нарушение статьи 10".²⁴

Совместное особое внимание по делу высказали судьи: Виард, Кремона, Тор Вильямсон, Рисдал, Гансгорф ван дер Меерш, сэр Джеральд Фицморис, Биндшедлер-Роберт, Лиш и Матшер, Они подчеркнули, что институты и процедура судопроизводства могут существенно меняться от одной страны к другой. Таким образом, вопреки тому, что считает большинство Суда, понятие авторитета правосудия ни в коей мере не отделено от национальных особенностей и не может быть определено как единообразие.²⁵

"Вышеприведенные рассуждения сохраняют свое значение в отношении действий или ситуаций, способных нанести ущерб должному функционированию правосудия, оценить которые можно лишь во внутригосударственном контексте на данный период. Таким образом, национальные власти призваны осуществлять первоначальную оценку опасности, угрожающей авторитету правосудия,

и судить о том, какие ограничительные меры будут необходимы для борьбы с этой опасностью. Соответствующие ограничения могут варьироваться в зависимости от особенностей правовой системы и традиции данной страны. В пределах, совместимых с требованиями, предъявляемыми к демократическому обществу, заинтересованное государство свободно само определять, какие методы будут наиболее подходящими для поддержания авторитета правосудия".²⁶ По мнению этих судей, основываясь на поступивших в Суд материалах, нарушение ст. 10 не может считаться установленным.

В практике Европейского суда имеются также дела по поводу отказа в выдаче лицензий на радио- и телевидение.

Представляет интерес дело "Информационсферайн Лентия" и другие против Австрии.

Предметом настоящего дела явился отказ австрийских властей в лице региональных органов управления почт и телекоммуникации выдать лицензии на радиовещательных и телевизионных предприятий местного значения. Первый заявитель, получивший такой отказ, - "Информационсферайн Лентия", компания, которая намеревалась создать замкнутую кабельную сеть, призванную объединить многочисленные кабельные службы в городе Линце. После того как отказ регионального управления был подтвержден Национальным управлением почт и телекоммуникаций, компания обратилась в Конституционный суд. Последний сослался на ст. 10 Европейской Конвенции, где оговорено, что данная статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование, в том числе такое, о котором идет речь в настоящем деле. Поэтому, по мнению Конституционного суда, хотя ст. 10 направлена на то, чтобы гарантировать свободу мнений и информации, это не означает, что такого рода лицензию может получить каждый, кто пожелает. Федеральный конституционный закон Австрии от 23 ноября 1979 г. отнес всю сферу радио- и телевидения к ведению государства, этот Закон фактически зарезервировал право на вещание за Национальной радиовещательной корпорацией, и никакого другого правоприменитель-

ного акта, кроме Закона, регулирующего деятельность этой организации, нет. Конституционный суд передал дело в Административный суд, который в свою очередь отказал в удовлетворении заявки на выдачу лицензии 10 сентября 1986 г. Его решение по существу повторило логику рассуждений Конституционного суда.

Между 1987 и 1989 гг., второй заявитель работал вместе с другими лицами над проектом создания частной радиостанции в Каринтии. В последующем он отказался от своих планов, узнав, что согласно действующему законодательству в том виде, как оно толкуется Конституционным судом, получить необходимую лицензию невозможно.

Третий заявитель - Австрийская ассоциация, член Европейской федерации свободных радиостанций. В 1988 г. о она попыталась получить лицензии на создание в Южной Каринтии радиостанции для передачи некоммерческих программ на немецком и словацком языках. Она получила отказ сначала управления почт и телекоммуникаций Клагенfurта, а затем Главного национального управления почт и телекоммуникаций в Вене 19 декабря 1989 г. и 9 августа 1990 г., соответственно. Решение было подтверждено Конституционным судом 30 сентября 1991 г.

Четвертый заявитель итальянская акционерная компания, которая ведет коммерческое радиовещание на Австрию. Она хотела бы заниматься аналогичной деятельностью в самой стране. Однако с учетом сложившееся юридической практики решила к соответствующим властям не обращаться.

Пятый заявитель - частная компания, зарегистрированная как акционерное общество по австрийскому законодательству. 8 ноября 1988 г. она обратилась в Региональное управление почт и телекоммуникаций Линца с просьбой предоставить ей частоту для местной радиостанции, которую предлагала создать в Зальцбурге. 28 апреля 1989 г. её ходатайство было отклонено. 12 июля 1989 г. решение об отказе было подтверждено Главным управлением почт и телекоммуникаций, а 18 июня 1990 г. жалоба была отклонена Конституционным судом.

В ходе разбирательства в Европейском суде австрийское правительство обратило внимание прежде всего на политический аспект деятельности аудиовизуальных средств информации. В Австрии конституционный закон в ст. 1 п. 2 о радиовещании указывает на его цели: гарантировать объективность и беспристрастность информации, плюрализм, сбалансированность программ, независимость лиц и организаций, ответственных за передачу. С точки зрения правительства только действующая система, основывающаяся на монополии Австрийской радиовещательной корпорации, дает властям возможность обеспечить достижение этих целей. Действующее законодательство и устав Австрийской радиовещательной корпорации предусматривают независимость подготовки программ, свободу журналистов и сбалансирование представительство политических партий и социальных групп в их руководящих органах.²⁷

Доводы правительства Суд, однако, не убедили. По его мнению, они противоречат опыту нескольких европейских государств, где сосуществуют государственное и частное вещание и предотвращено создание частных монополий. Суд постановил, что имело место нарушение ст. 10 Конвенции.²⁸

Анализируя применение Европейским судом по правам человека ст. 10 Европейской конвенции о правах человека, можно согласиться с мнением исландского юриста П. Сигурдсона о том, что Суд имеет тенденцию ограничительно толковать её положения о возможности ограничений свободы слова и свободу усмотрения властей в этом отношении, на которую сам же и ссылается.²⁹

Тем самым ставится под сомнение способность властей правильно оценивать конкретные обстоятельства, складывающиеся в государствах-участниках, и соответственно реагировать на них в тех случаях, когда СМИ допускают злоупотребление свободой слова, опасно для публичного порядка в этих государствах. Такая позиция большинства членов Суда вызывает возражения значительной части его членов, которые высказывали по ряду важнейших дел в практике Суда в этой области своё особое мнение.

-
- 1 Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000 г. с. 209.
 - 2 Uli Widmaier German Broadcast Regulation. //Boston College International and Comparative Law Review. 1998. №1, p. 79.
 - 3 Ibid. p.81.
 - 4 Ibid. p.92.
 - 5 Ibid. p.96.
 - 6 Ibid. p.98.
 - 7 Ibid. p.108.
 - 8 Ibid. p.112-113.
 - 9 Ibid. p.122.
 - 10 Независимая газета. 27 янв. 2001 г.
 - 11 Европейский суд... т.1 с. 747-748.
 - 12 Там же. т.1 с. 749.
 - 13 Там же. т.1 с.749-750.
 - 14 Там же. т.1 с. 528-530.
 - 15 Там же. т. 2. с. 26.
 - 16 Там же. т. 2. с. 29.
 - 17 Там же. т. 2. с. 29.
 - 18 Там же. т. 2. с. 29-30.
 - 19 Там же. т. 2. с. 30.
 - 20 Там же. т.2 с. 30-31.
 - 21 Там же. т.1 с. 202.
 - 22 Там же. т.1 с. 205-206.
 - 23 Там же. т.1 с. 208.
 - 24 Там же. т.1 с. 211.
 - 25 Там же. т.1 с. 217-218.
 - 26 Там же. т.1 с. 218.